18+

Там, где Ангелы теряют крылья

Екатерина Кафф

Екатерина Кафф

Там, где ангелы теряют крылья

«Издательские решения»

Кафф Е.

Там, где ангелы теряют крылья / Е. Кафф — «Издательские решения»,

Говорят, ангелы теряют крылья, когда предают небеса. Но что, если за одним падением скрывается история любви, способная изменить саму вечность? Эвелин случайно приоткрывает дверь в мир, о существовании которого даже не подозревала. Загадочная книга, чужие тайны и мужчина, чьё прошлое окутано тьмой, постепенно меняют её представление о судьбе.Некоторые встречи не бывают случайными. А некоторые обещания невозможно нарушить, даже если ради них придётся бросить вызов небесам.

© Кафф Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Книга с чужой смертью 7
Глава 2. Тот, кто ответил 13
Глава 3. Цена одного воспоминания 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Там, где ангелы теряют крылья

Екатерина Кафф

© Екатерина Кафф, 2026

ISBN 978-5-0071-6710-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Говорят, ангелы теряют крылья, когда предают небеса.

Но никто не говорит о том, что иногда они теряют их, когда впервые поступают по-настоящему правильно.

Мы привыкли думать, что судьба — это нечто неизменное. Что каждому отведено своё место, каждому поступку — своя цена, а за нарушение установленных правил непременно следует наказание.

Но что, если правила не всегда справедливы? Что, если долг однажды становится жестокостью, а неповиновение — единственным способом сохранить что-то по-настоящему важное?

Наверное, именно тогда и начинается падение.

Не с первого шага во тьму. Не с потери света. А с момента, когда кто-то решает, что чужая жизнь дороже собственного спасения.

И, возможно, самое страшное в любви вовсе не то, что она способна причинить боль.

А то, что ради неё даже бессмертные однажды готовы отказаться от вечности.

Глава 1. Книга с чужой смертью

Веренвиль редко бывал по-настоящему тихим.

Даже в самые ранние часы, когда улицы ещё пустовали, а окна старых домов оставались тёмными, город продолжал жить своей неторопливой жизнью. Где-то за закрытыми ставнями скрипели половицы, на узких крышах шуршал ветер, а у собора, возвышавшегося над центральной площадью, мерно отсчитывали время старинные часы.

Правда, иногда они останавливались.

Никто уже не помнил, когда это началось. Одни говорили, что механизм просто износился, другие утверждали, что часы всегда немного отставали, а третьи предпочитали вовсе не обсуждать эту особенность. Впрочем, для Веренвиля было вполне естественно иметь несколько странностей, к которым местные жители давно привыкли.

Эвелин Морвейн тоже привыкла.

Она жила здесь всю свою жизнь и давно перестала замечать то, что приезжие называли необычным. Её больше интересовали вещи, которые другие люди обычно считали ненужными: старые письма, потрёпанные переплёты, выцветшие рисунки на полях и книги, пережившие своих первых владельцев.

В каждой из них оставалось что-то от человека, который когда-то держал её в руках.

Иногда Эвелин думала, что именно поэтому выбрала свою профессию.

В тот дождливый октябрьский день она пришла в мастерскую немного раньше обычного. Сняла пальто, повесила его на деревянную вешалку у двери и поставила сумку возле стола. За высоким окном стекали тонкие дорожки дождевой воды. Напротив виднелся фасад соседнего дома с потемневшими от времени ставнями, а чуть дальше, между крышами, можно было разглядеть верхушку соборной башни.

Эвелин включила настольную лампу.

Тёплый свет упал на рабочую поверхность, где уже лежали несколько кистей, нож для бумаги, небольшие баночки с клеем и листы тонкой реставрационной бумаги.

Мастерская располагалась в задней части антикварной лавки. Посетители редко заходили сюда: большинство предпочитало рассматривать старые часы, фарфоровые фигурки и картины в потемневших рамах, выставленные в главном зале. О существовании небольшой комнаты за книжными стеллажами знали немногие.

Эвелин нравилось это уединение.

Здесь не требовалось поддерживать разговор, улыбаться незнакомцам или объяснять, почему она может провести несколько часов над одной страницей. В мастерской всё было понятным и предсказуемым. Даже повреждения имели свои причины, а почти любую ошибку можно было исправить, если не торопиться.

Она надела тонкие перчатки и придвинула к себе книгу, которую оставила накануне.

Работа шла медленно. Корешок оказался повреждён сильнее, чем казалось сначала, а несколько страниц нуждались в укреплении. Эвелин осторожно провела кистью вдоль края бумаги, убрала излишки клея и на несколько секунд задержала взгляд на старинном почерке.

Ей всегда нравилось разглядывать чужие записи.

В них было что-то удивительно личное. Неровные буквы, случайные помарки, слишком сильный нажим пера — всё это рассказывало о человеке гораздо больше, чем сухая подпись на последней странице.

Она как раз закончила работу над очередным фрагментом, когда над дверью антикварной лавки звякнул колокольчик.

Эвелин подняла голову.

Через несколько секунд послышались шаги, а затем короткий стук в открытую дверь мастерской.

— Эвелин?

Она отложила кисть.

— Да?

— Привезли новые книги. Их оставили внизу. Посмотришь, что можно восстановить?

— Конечно.

— Там несколько довольно старых экземпляров. Не уверен, что все из них стоят усилий, но ты разберёшься.

— Хорошо. Я сейчас подойду.

Шаги удалились.

Эвелин сняла перчатки, вымыла руки и вышла из мастерской. В главном зале было прохладнее, чем обычно. Дверь лавки оставили закрытой, но откуда-то всё равно тянуло сыростью. Возле прилавка стояли две большие картонные коробки, доверху заполненные книгами.

Она присела рядом и приподняла верхние клапаны.

На первый взгляд, ничего необычного. Несколько старых романов, сборники стихов, справочники, потрёпанные альбомы и книги с настолько выцветшими обложками, что названия приходилось угадывать.

Эвелин начала перебирать их одну за другой.

Некоторые экземпляры нуждались лишь в небольшой чистке. Другие были безнадёжно испорчены влагой. Она складывала подходящие книги в одну сторону, а те, которые уже невозможно было спасти, оставляла отдельно.

Почти у самого дна второй коробки её пальцы коснулись чего-то твёрдого.

Книга оказалась довольно увесистой.

Тёмно-коричневая кожаная обложка была покрыта мелкими трещинами. На ней не было ни названия, ни имени автора, ни какого-либо декоративного тиснения. Только потёртая поверхность и следы времени на углах.

Эвелин осторожно вытащила её из коробки.

— Вот это уже интереснее, — пробормотала она.

Переплёт выглядел старым, но не настолько ветхим, чтобы рассыпаться от одного прикосновения. Корешок сохранился лучше, чем можно было ожидать, хотя несколько швов явно нуждались в укреплении.

Она раскрыла книгу.

Страницы оказались пожелтевшими, местами потемневшими по краям. Бумага была плотной, слегка шероховатой. На ней не было печатного текста. Только рукописные строки, выполненные тёмными чернилами.

Эвелин нахмурилась.

На первой странице стояли имена.

Много имён.

Некоторые были написаны аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Другие выглядели поспешными, словно человек записывал их на ходу. Рядом с каждым именем стояла дата.

Эвелин перевернула несколько страниц.

Та же картина.

Имя. Дата. Следующее имя. Следующая дата.

Никаких пояснений, заголовков или вступления.

Она пролистала книгу до середины, затем вернулась к началу, внимательно рассматривая почерк. Чернила на разных страницах немного отличались оттенком, но сами буквы были удивительно похожи. Возможно, записи делал один человек в разное время.

Хотя это ещё ничего не доказывало.

Эвелин закрыла книгу и провела пальцами по обложке.

Возможно, это чей-то старый личный реестр. Или странная памятная книга. Некоторые люди вели подобные записи, хотя обычно указывали хотя бы короткие пояснения.

Она снова открыла переплёт.

На нескольких страницах рядом с именами стояли даты, которые уже давно прошли. Эвелин не придала этому особого значения. Если книга действительно принадлежала кому-то из прежних жителей Веренвиля, записи могли быть сделаны десятилетия назад.

Но кое-что всё же привлекло её внимание.

Возле некоторых имён, сразу после даты, находился небольшой чёрный знак.

Он напоминал перо.

Только не целое, а словно обломанное у основания. Несколько тонких линий сходились в одной точке, образуя очертание маленького крыла.

Эвелин приблизила страницу к свету.

Знак был выполнен теми же чернилами, что и остальные записи, но выглядел плотнее и темнее. Она осторожно провела рядом чистой кистью, не касаясь самого рисунка.

Никаких изменений.

— Странно, — тихо произнесла она.

Она не любила делать поспешные выводы. Возможно, знак имел какое-то значение для владельца книги. Может быть, обозначал определённую категорию записей или просто служил личной пометкой.

Эвелин закрыла переплёт и отнесла находку в мастерскую.

Весь оставшийся день она занималась другими книгами, но несколько раз ловила себя на том, что смотрит на тёмно-коричневую обложку, лежавшую в стороне от остальных.

В ней было что-то неприятное.

Не пугающее — по крайней мере, Эвелин не могла назвать это страхом. Скорее, ощущение, будто она случайно открыла чужую дверь и теперь не могла перестать думать о том, что находится за ней.

Когда за окном начало темнеть, она наконец придвинула книгу к себе.

Работу следовало начать с переплёта. Сначала очистить поверхность, затем проверить состояние швов и только после этого переходить к страницам. Но прежде Эвелин решила внимательно изучить внутреннюю часть обложки.

Она аккуратно раскрыла её и осмотрела сгибы.

Ни подписи, ни даты приобретения, ни владельческой печати.

Ничего.

Эвелин перевернула первую страницу и снова посмотрела на имена.

Теперь, когда она сидела ближе к лампе, почерк казался ещё более необычным. Некоторые записи были расположены почти вплотную друг к другу, другие разделяло несколько пустых строк. Даты не шли в строгом хронологическом порядке.

Она взяла небольшой блокнот и начала переписывать несколько имён, чтобы позже поискать их в доступных городских архивах.

Первое. Второе. Третье.

На одной из страниц она заметила дату, которая заставила её остановиться.

Она была будущей.

Эвелин нахмурилась и сверила цифры ещё раз.

Нет, ошибки не было.

Она перелистнула страницу назад, затем вперёд. На соседних листах тоже встречались даты, которые ещё не наступили. Некоторые были совсем близкими, другие относились к более отдалённому будущему.

Эвелин откинулась на спинку стула.

Это уже не походило на обычный реестр.

Она достала телефон и сфотографировала несколько страниц. Затем попробовала найти в интернете название похожего издания, но безрезультатно. Поиск по отдельным именам тоже ничего не дал. Возможно, это были малоизвестные люди, жившие в других городах.

Она открыла городские архивы, просмотрела несколько доступных каталогов и даже проверила старые списки захоронений Веренвиля.

Результат оказался почти нулевым.

Никаких совпадений, которые могли бы объяснить происхождение книги.

Эвелин потерла переносицу.

— Прекрасно, — пробормотала она.

Она уже собиралась отложить книгу до следующего дня, когда взгляд случайно зацепился за одну из строк в нижней части страницы.

Знакомое имя.

Сначала она не поняла, почему оно показалось ей знакомым. Просто скользнула глазами по буквам, затем вернулась обратно.

Эвелин Морвейн.

Она замерла.

Несколько секунд девушка просто смотрела на страницу, не в силах решить, что именно видит. Затем медленно придвинула книгу ближе.

Эвелин Морвейн.

Буквы были написаны чётко, без исправлений и помарок. Рядом стояла дата.

Она прочитала её один раз.

Потом второй.

Дата ещё не наступила.

Эвелин почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Совпадение, — произнесла она вслух.

Собственный голос прозвучал непривычно тихо.

Она внимательно осмотрела строку, будто могла обнаружить в ней какую-нибудь ошибку. Но имя было написано полностью, без сокращений. Фамилия тоже совпадала.

Морвейн.

Она перевернула страницу, надеясь найти продолжение или какое-нибудь пояснение. Ничего. Только другие имена и даты.

Эвелин снова вернулась к своей записи.

Рядом с её именем не было чёрного пера.

Она вспомнила знак, который видела на предыдущих страницах. Некоторые имена сопровождались им, другие оставались без отметок. Теперь отсутствие этого символа почему-то казалось не менее странным, чем сама дата.

Она медленно закрыла книгу.

В мастерской было тихо. За окном продолжал идти дождь, а свет настольной лампы оставлял на стенах мягкие тёплые пятна.

Эвелин посмотрела на часы.

Она задержалась дольше, чем собиралась. Уже давно пора было возвращаться домой.

Но теперь мысль о том, чтобы оставить книгу здесь, казалась ей почти невыносимой.

Она снова открыла переплёт и проверила страницу. Затем сфотографировала её отдельно, увеличила изображение и сравнила написание букв с другими именами.

Почерк действительно отличался лишь незначительно.

Она попыталась убедить себя, что кто-то мог знать её имя. Морвейн не была распространённой фамилией, но и настолько уникальной, чтобы исключить совпадение, она не являлась.

Возможно, существовала другая Эвелин Морвейн. Возможно, книга принадлежала человеку, который знал её семью.

Последняя мысль заставила девушку нахмуриться.

Нет.

Она никогда прежде не видела эту книгу. И мать никогда не рассказывала о подобных вещах.

Эвелин невольно коснулась кольца на пальце.

Серебряная оправа потемнела от времени, а почти чёрный камень при свете лампы отливал глубоким бордовым оттенком. Это была одна из немногих вещей, оставшихся ей от Изабель. Мать носила кольцо много лет, а незадолго до смерти передала его дочери.

Эвелин редко снимала его.

Она провела большим пальцем по тонким переплетённым линиям оправы, стараясь отвлечься.

Изабель умерла два года назад. Совершенно неожиданно, во сне. Врачи назвали причиной остановку сердца, и никаких обстоятельств, которые могли бы объяснить произошедшее иначе, не было.

Эвелин до сих пор иногда ловила себя на желании позвонить матери, чтобы рассказать какую-нибудь мелочь. О новой книге, о странном посетителе лавки или о том, что в городе опять остановились часы собора.

Раньше Изабель всегда выслушивала её.

Теперь оставались только воспоминания.

Девушка медленно выдохнула и убрала руку от кольца.

Не стоило связывать несвязанные вещи. У неё не было причин думать, что книга каким-то образом связана с матерью.

И всё же она не могла перестать смотреть на собственное имя.

В конце концов Эвелин взяла чистый лист бумаги и записала несколько вопросов.

Кто был владельцем книги?

Почему в ней перечислены имена и даты?

Что означают чёрные знаки?

И откуда автору известно её имя?

Последний вопрос она обвела карандашом.

Затем девушка посмотрела на часы ещё раз, выключила лампу над рабочим столом и собрала вещи.

Книгу она положила в отдельную коробку, завернула в чистую ткань и убрала в нижний ящик шкафа, где хранила особенно хрупкие экземпляры.

Перед уходом Эвелин ещё раз проверила, закрыта ли мастерская.

Она не любила оставлять незавершённую работу на ночь, но сегодня решила сделать исключение.

На улице уже почти стемнело. Дождь стал мельче, превратившись в холодную морось. Эвелин подняла воротник пальто и направилась по узкой улице к дому.

Веренвиль выглядел непривычно пустым. Свет фонарей отражался в мокрой мостовой, а за окнами старых домов мелькали тёплые прямоугольники света.

Когда она проходила мимо собора, её взгляд невольно поднялся к часовой башне.

Стрелки замерли.

Эвелин остановилась и посмотрела на циферблат.

Часы показывали без десяти семь.

Она достала телефон. Было семь минут восьмого.

Девушка усмехнулась.

— Опять.

Она убрала телефон и продолжила путь.

Дома её встретила тишина.

Эвелин включила свет в прихожей, сняла пальто и прошла на кухню. Поставила чайник, достала из шкафа чашку и только тогда заметила, что всё ещё думает о книге.

О собственной строке.

О дате, которая ещё не наступила.

Она сделала себе чай и села за небольшой стол возле окна. На стекле дрожали капли дождя. Где-то в соседнем доме негромко играла музыка, но мелодия была едва различима.

Эвелин достала телефон и открыла фотографию страницы.

Снова увеличила изображение.

Эвелин Морвейн.

Она смотрела на буквы так долго, что вскоре начала различать каждую неровность чернил.

Затем её внимание привлекло кое-что ещё.

Имя находилось не в конце списка и не на отдельной странице. Оно было вписано между двумя другими записями. Над ним стояла дата, под ним — следующая.

А рядом, чуть правее, было ещё одно имя.

Эвелин увеличила фотографию.

Люциан Вейл.

Она прочитала его про себя.

Имя показалось ей чужим и одновременно странно уместным среди остальных записей. Никакой даты рядом с ним не было. Только тонкая черта, проведённая от его строки к её имени.

Эвелин нахмурилась.

Кто-то явно хотел, чтобы эти две записи рассматривали вместе.

Она вернулась к оригинальной фотографии, проверила остальные строки и убедилась, что не ошиблась.

Люциан Вейл.

Она попыталась найти это имя в интернете. Несколько результатов оказались совершенно не относящимися к делу. Ни один не давал ответа, кто это такой и почему его имя оказалось рядом с её собственным.

Девушка отложила телефон.

За окном усилился ветер.

Она вспомнила, что в книге не было ни одного пояснения, и решила, что утром обязательно проверит её ещё раз. Возможно, под обложкой обнаружится что-нибудь вроде старой владельческой записи. Или среди страниц найдётся скрытая надпись.

Она не собиралась делать поспешных выводов.

В конце концов, это всего лишь старая книга.

Очень странная, непонятная и, возможно, чья-то неудачная шутка.

Но всё ещё книга.

Эвелин допила чай, выключила свет на кухне и отправилась спать.

А в мастерской, за закрытой дверью шкафа, на пожелтевшей странице оставались два имени, соединённые тонкой чертой.

Одно из них принадлежало девушке, которая ещё не знала, сколько времени ей осталось.

Другое — тому, кто когда-то уже однажды изменил её судьбу.

Глава 2. Тот, кто ответил

Утро началось с дождя.

Эвелин проснулась раньше будильника, хотя накануне легла гораздо позже обычного. Некоторое время она лежала неподвижно, глядя на серый прямоугольник окна. По стеклу медленно сползали капли, оставляя после себя прозрачные дорожки.

Она попыталась вспомнить, что именно разбудило её.

Потом вспомнила книгу.

Эвелин закрыла глаза и тихо вздохнула.

Пожалуй, стоило признать, что странная находка занимала её мысли гораздо сильнее, чем следовало. Вчера она почти до полуночи рассматривала фотографии страниц, пыталась найти сведения о владельце и даже несколько раз возвращалась к одной и той же записи.

Люциан Вейл.

Имя по-прежнему ничего ей не говорило.

Она поднялась с кровати, умылась и переоделась. На кухне поставила чайник, открыла окно на несколько секунд, чтобы впустить свежий воздух, и достала из холодильника продукты для завтрака. Есть не особенно хотелось, но пропускать утреннюю еду из-за старой книги казалось глупым.

Пока закипал чайник, Эвелин ещё раз открыла фотографию.

Имя. Дата. Чёрный знак в виде сломанного пера на соседней строке. Тонкая черта, соединяющая две записи.

Она увеличила изображение, пытаясь рассмотреть, не скрывается ли под линией какая-нибудь буква. Но фотография была недостаточно чёткой.

— Ладно, — сказала она самой себе. — Сегодня разберёмся.

Книга ждала её в мастерской.

К десяти утра дождь немного ослаб, но не прекратился. Веренвиль выглядел так, словно кто-то накрыл его тонкой серой тканью. Каменные фасады потемнели от влаги, узкие улицы блестели, а редкие прохожие торопились под навесы и раскрытые зонты.

Когда Эвелин вошла в антикварную лавку, владелец уже находился за прилавком, разбирая бумаги. Она поздоровалась с ним, сняла пальто и прошла в мастерскую.

Сначала она включила свет, затем достала коробку из нижнего шкафа.

Книга выглядела точно так же, как вчера. Тёмная кожа, потёртые углы, отсутствие названия. Эвелин положила её на стол, сняла верхнюю ткань и несколько секунд просто смотрела на обложку.

В дневном свете она казалась менее зловещей.

Скорее старой и запущенной.

Девушка включила настольную лампу, достала блокнот и расположила рядом с книгой несколько чистых листов.

Сегодня она собиралась подойти к находке как к обычному реставрационному объекту. Не как к предсказанию собственной смерти, не как к загадке, которую обязательно нужно разгадать немедленно, а как к вещи с неизвестной историей.

Для начала следовало установить возраст бумаги и чернил.

Эвелин надела перчатки, осмотрела корешок, проверила состояние швов и осторожно приподняла несколько страниц. Бумага была плотной, с заметными волокнами. На отдельных листах виднелись следы старого водяного пятна, но чернила почти не расплылись.

Она сделала несколько заметок.

Затем достала увеличительное стекло и внимательно изучила почерк.

Буквы действительно были похожи. Даже там, где записи отличались по наклону, сохранялась одна и та же манера выводить некоторые соединения. Автор словно старался писать аккуратно, но иногда торопился.

Эвелин перелистнула несколько страниц.

— Кто же ты такой? — пробормотала она.

Ответа, разумеется, не последовало.

Она вернулась к записям, переписала несколько имён и открыла на компьютере доступный каталог городского архива. Работа оказалась утомительной. Некоторые фамилии встречались в старых документах, но совпадения не давали ничего определённого. Другие вообще отсутствовали.

Через час Эвелин нашла одну фамилию, которая показалась ей знакомой. Она проверила несколько записей о жителях Веренвиля, но обнаружила лишь однофамильцев.

Никаких доказательств того, что книга была местной.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на страницу со своим именем.

Вчерашнее беспокойство никуда не исчезло. Просто теперь оно стало более тихим и настойчивым.

Эвелин провела пальцем по краю листа, не касаясь чернил.

Рядом с её записью по-прежнему не было чёрного пера.

Она решила проверить, действительно ли отметка отсутствует. Перелистнула несколько страниц вперёд, затем назад. На других листах знак встречался после даты, иногда почти вплотную к цифрам, иногда на небольшом расстоянии.

На её строке его не было.

Ни рядом с датой, ни внизу страницы.

Эвелин сделала фотографию при другом освещении, увеличила контраст и ещё раз внимательно осмотрела изображение.

Ничего.

— Может, просто не успели поставить, — сказала она.

Слова прозвучали нелепо, и девушка сама это поняла.

Она закрыла программу обработки изображений.

Впрочем, пока не было причин придавать этому особое значение. Если книга являлась чьим-то странным дневником, то автор мог использовать знаки по собственному усмотрению.

Оставался вопрос с датой.

Эвелин достала блокнот и записала её отдельно. Потом сверилась с календарём, чтобы убедиться, что не ошиблась при чтении. Дата действительно относилась к будущему.

Она долго смотрела на цифры.

Ей не нравилось, что она не могла найти ни одного разумного объяснения.

В конце концов Эвелин закрыла блокнот и решила сделать перерыв.

К полудню в лавку заглянул пожилой мужчина. Он долго рассматривал старые открытки у витрины, затем попросил показать ему несколько книг по истории города.

Эвелин вышла из мастерской, помогла найти нужные издания и вернулась к работе только после того, как за посетителем закрылась дверь.

Она снова открыла тёмный переплёт.

Теперь её интересовало имя, стоявшее рядом с её собственным.

Люциан Вейл.

Она переписала его на отдельный лист и попробовала поискать в нескольких каталогах. В старых городских газетах ничего не нашлось. В архиве фамилия Вейл встречалась, но ни одного человека с таким именем обнаружить не удалось.

Она изменила порядок поиска, попробовала искать только фамилию, затем только имя. Результаты были всё теми же.

Ничего, что могло бы объяснить присутствие этой записи.

Эвелин отодвинула клавиатуру.

Возможно, имя принадлежало человеку, который никогда не жил в Веренвиле. Возможно, это был псевдоним. Или имя персонажа, внесённое в книгу по какой-то неизвестной причине.

Она посмотрела на тонкую черту между записями.

Нет. Это выглядело слишком намеренно.

Девушка снова открыла книгу и поднесла её ближе к лампе. Черта была проведена от имени Люциана к её строке. Она начиналась возле последней буквы фамилии и заканчивалась чуть выше даты Эвелин.

Не случайная помарка.

Она проверила страницу с обратной стороны, но бумага не просвечивала настолько, чтобы можно было увидеть следы дополнительной записи.

— Люциан Вейл, — тихо произнесла она.

Имя прозвучало непривычно в пустой комнате.

Эвелин нахмурилась и посмотрела на страницу.

Ей показалось, что она уже видела это сочетание букв раньше. Не в интернете и не в старых документах. Скорее, оно было знакомо само по себе, словно она однажды слышала его, но забыла обстоятельства.

Она покачала головой.

Глупости.

Эвелин провела ногтем вдоль строки, затем остановилась возле фамилии.

Буква «В» была написана с необычным нажимом. Последний штрих уходил чуть ниже остальных букв, образуя длинную тонкую линию.

Девушка наклонилась ближе.

— Вейл…

Она произнесла фамилию ещё раз, уже почти беззвучно.

В мастерской ничего не изменилось.

За окном проехала машина, где-то в главном зале звякнул колокольчик. Эвелин закрыла книгу и на несколько минут занялась проверкой старого переплёта, пытаясь отвлечься.

Но вопрос продолжал возвращаться.

Почему рядом с ней стояло именно это имя?

Кто такой Люциан Вейл?

И почему неизвестный автор решил соединить две записи?

К вечеру Эвелин поняла, что обычными поисками ничего не добьётся. Она могла продолжать проверять архивы, искать похожие книги и сравнивать почерк, но всё это не давало даже малейшей зацепки.

Оставалось изучить саму запись.

Она снова раскрыла книгу на нужной странице и осторожно положила рядом увеличительное стекло.

Имя было написано без сокращений.

Люциан Вейл.

Эвелин провела взглядом по буквам, медленно прочитав их про себя. Затем взяла карандаш и записала имя в блокнот, стараясь точно повторить написание.

Люциан Вейл.

Она сравнила собственную запись с оригиналом.

Всё совпадало.

Девушка вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Если ты существуешь, то, наверное, должен где-нибудь находиться.

Она сама не заметила, как произнесла это вслух.

Ответа не было.

Эвелин усмехнулась собственной фразе, закрыла блокнот и начала собирать инструменты. Сегодня она уже не успевала заняться полноценной реставрацией книги. К тому же ей хотелось вернуться домой пораньше.

Но прежде чем убрать переплёт, она ещё раз посмотрела на страницу.

На этот раз её внимание привлекло не имя, а расположение записей. Между строками было достаточно свободного места, однако черта, соединявшая две записи, проходила точно посередине.

Эвелин наклонилась и провела пальцем рядом с ней.

— Люциан Вейл, — произнесла она уже отчётливее.

Свет настольной лампы мигнул.

Девушка подняла голову.

Моргнула ещё раз.

В комнате стало темнее, но лампа продолжала гореть. Эвелин посмотрела на неё, ожидая, что свет снова выровняется.

Вместо этого он мигнул ещё раз.

— Только не сейчас…

Она потянулась к выключателю, но в этот момент услышала тихий щелчок.

Будто где-то за стеной сработал старый механизм.

Эвелин замерла.

Дождь за окном продолжал стучать по стеклу. В главном зале было тихо. Ни шагов, ни голосов, ни звона колокольчика.

Она медленно повернула голову к двери.

На стене рядом с книжным шкафом появилась тень.

Сначала Эвелин решила, что это просто отражение от фонаря с улицы. Но тень не двигалась вместе с уличным светом. Она становилась темнее, вытягивалась вверх, приобретая очертания человеческой фигуры.

За спиной фигуры проступило что-то ещё.

Два огромных силуэта, похожих на крылья.

Эвелин перестала дышать.

Она резко обернулась.

В мастерской никого не было.

Когда девушка снова посмотрела на стену, тень исчезла.

Но в комнате больше не было пусто.

У окна стоял мужчина.

Высокий, худощавый, одетый в чёрное. Его серебристо-белые волосы казались почти светлыми в полумраке, а бледное лицо выглядело так, словно он давно не видел солнца. Холодные серые глаза были обращены прямо на неё.

Эвелин отступила на шаг.

Мужчина не двинулся.

Он лишь окинул взглядом мастерскую, задержался на открытой книге и снова посмотрел на девушку.

На его лице не было удивления.

Скорее раздражение.

— Надеюсь, у тебя была веская причина произносить моё имя.

Эвелин несколько секунд молчала.

Она посмотрела на дверь, затем снова на незнакомца. Он стоял слишком близко к окну, чтобы быть случайным посетителем, и слишком спокойно для человека, который только что оказался в запертой комнате.

— Кто вы? — наконец спросила она.

— Странно начинать именно с этого вопроса.

— Простите?

— Ты произнесла моё имя. Обычно люди хотя бы знают, кого зовут.

Эвелин почувствовала, как внутри поднимается раздражение, вытесняя первый испуг.

— Я не звала вас.

— Тогда мне следует поблагодарить тебя за гостеприимство?

Она нахмурилась.

— Я читала запись в книге.

Мужчина перевёл взгляд на раскрытый переплёт.

Впервые за всё время его выражение изменилось. Совсем немного, но Эвелин заметила, как напряглась линия его челюсти.

Он подошёл ближе.

Девушка инстинктивно отступила, но мужчина остановился, не пытаясь сократить расстояние.

— Откуда у тебя эта книга?

— Её привезли вчера вместе с другими старыми изданиями.

— Кто привёз?

— Я не знаю. Мне передали коробки для реставрации.

— Ты не знаешь, откуда она появилась?

— Если бы знала, я бы сказала.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— И ты решила произнести моё имя, потому что оно показалось тебе интересным?

— Я пыталась понять, кто вы такой и почему ваше имя написано рядом с моим.

Мужчина не ответил сразу.

Он подошёл к столу, но не прикоснулся к переплёту. Его взгляд остановился на строке с именем Эвелин Морвейн.

Затем он посмотрел на девушку.

— Ты читала остальные записи?

— Да.

— Все?

— Не все. Книга довольно большая.

— И заметила отметки?

Эвелин медленно кивнула.

— Чёрные знаки в виде перьев?

— Да.

— Что они означают?

Мужчина задержал на ней взгляд.

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— А вы отвечаете слишком мало.

— Это не одно и то же.

— Для меня сейчас разницы нет.

Он снова посмотрел на страницу. На этот раз его взгляд задержался на пустом месте рядом с датой Эвелин.

На лице мужчины появилось что-то, чего она не смогла разобрать. Не удивление и не страх. Скорее, усталость, которую он слишком долго привык скрывать.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Эвелин нахмурилась.

— Вы только что смотрели на моё имя.

— Я хочу услышать его от тебя.

— Эвелин Морвейн.

Он ничего не сказал.

— Теперь ваша очередь, — добавила она. — Вы ведь Люциан Вейл?

Мужчина медленно поднял глаза.

— Да.

Одно короткое слово.

И почему-то именно оно заставило Эвелин поверить, что всё происходящее действительно случилось.

Она посмотрела на книгу, затем снова на незнакомца.

— Хорошо, Люциан Вейл. Может быть, теперь вы объясните, что происходит?

Он едва заметно усмехнулся.

— Боюсь, Эвелин Морвейн, это именно тот вопрос, на который тебе пока не следовало искать ответ.

Глава 3. Цена одного воспоминания

Несколько секунд они смотрели друг на друга молча.

Эвелин первой нарушила тишину:

— Вы сказали, что мне не следовало искать ответ. Но, кажется, немного опоздали с предупреждением.

Люциан стоял возле стола, небрежно опираясь ладонью о край. Его взгляд скользнул по раскрытой книге.

— Ты всегда так поступаешь?

— Как?

— Сначала делаешь что-то необдуманное, а потом требуешь объяснений.

— Я не считаю попытку прочитать имя необдуманным поступком.

— Тогда у нас с тобой разные представления о благоразумии.

Эвелин скрестила руки на груди.

— Вы собираетесь отвечать на мои вопросы или продолжите оценивать мои решения?

— Зависит от вопросов.

— Кто вы?

— Ты уже знаешь моё имя.

— Имя — не ответ.

Люциан слегка склонил голову, словно признавая справедливость замечания.

— Хорошо. Я тот, кого ты только что позвала.

— Это я тоже поняла.

— Тогда, возможно, мы движемся быстрее, чем я ожидал.

Эвелин с трудом удержалась от раздражённого вздоха.

— Вы всегда разговариваете загадками?

— Только когда собеседник задаёт вопросы, на которые не готов услышать ответы.

— Не вам решать, к чему я готова.

На этот раз Люциан улыбнулся. Едва заметно, без всякого тепла.

— В этом я не сомневаюсь.

Он выпрямился и снова посмотрел на книгу.

— Откуда ты знаешь, что это за записи?

— Не знаю. Я пытаюсь разобраться.

— И что именно ты уже выяснила?

Эвелин помедлила.

— Здесь имена людей. Рядом с ними указаны даты. Некоторые даты уже прошли. Возле нескольких имён появились чёрные отметки. А рядом с моим именем стоит будущая дата. Без отметки.

Люциан не перебивал.

— И ещё здесь написано ваше имя. Оно соединено линией с моим. Я хочу знать почему.

— Разумное желание.

— Тогда объясните.

— Не всё так просто.

— Почему?

— Потому что некоторые ответы стоят дороже, чем ты предполагаешь.

Эвелин нахмурилась.

— Это угроза?

— Нет. Предупреждение.

Он произнёс это спокойно, почти равнодушно, и оттого слова прозвучали ещё неприятнее.

Девушка подошла к столу и развернула книгу к нему.

— Посмотрите. Это моя запись?

— Да.

— А дата?

Люциан не ответил сразу.

Его взгляд остановился на цифрах.

— Да.

— Значит, вы знаете, что она означает.

— Знаю.

— И знаете, почему она здесь появилась?

— Знаю достаточно.

— Тогда скажите.

— Нет.

Эвелин медленно выпрямилась.

— Вы шутите?

— У меня не самое подходящее настроение для шуток.

— Вы появились в моей мастерской после того, как я прочитала ваше имя. Вы задавали вопросы о книге, о том, кто её принёс, и о том, что я успела узнать. А теперь отказываетесь объяснять хоть что-нибудь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.